

3. Burmistrov P. Sirija v vojne. Grazhdanskoe protivostojanie v strane mozhet zakonchit'sja intervenciej [Syria in war. Civil opposition in the country can end with intervention]. *Russkij reporter* [Russian reporter], 2012, no. 7 (236), p. 34, 41.
4. V sledujucej Sirii. Pomeshaet li pozicija Rossii sverzheniju rezhima Bashara Asada? [In the following Syria. Whether the position of Russia will prevent overthrow of a mode of Bashar Asad?]. *Versija* [Version], 2012, no. 6 (331), p. 3.
5. Vechnaja «vesna» [Eternal «spring»]. *Profil'* [Profile], 2011, no. 46, p. 33.
6. Volkov K. Vyборы v Sirii na Zapad ne povlijajut [Elections in Syria to the west won't affect]. *Izvestija* [News], 2012, № 47 (28554), p. 8.
7. Dobrjakov D. «Damasskaja stal'. Pochemu Damask okazalsja dlja Moskvy dorozhe, chem družba so vsemi mirovymi stolicami vmeste vzjatymi [«Damask steel. Why Damascus appeared for Moscow more expensive, than friendship with all world capitals together taken]. *Itogi* [Results], 2012, no. 9 (820), p. 32.
8. Dos'e. Rossijskie interesy v Sirii [File. The Russian interests in Syria]. *Kommersant* [Businessman], 2012, no. 22 (4807), p. 4.
9. Katarskie karliki zadumali gazovyj peredel mira [Qatar dwarfs conceived gas repartition of the world]. *Argumenty nedeli* [Arguments of week], 2012, no. 10 (302), p. 2.
10. Majorov D. Povstancy zahvatili Dumu. Situacija v Sirii dvizhetsja k polnomashtabnoj vojne [Insurgents grasped the Duma. The situation in Syria moves to full-scale war]. *Russkij reporter* [Russian reporter], 2012, no. 4 (233), p. 34.
11. Mamaev Sh., Odinec A. Teorija kochevoj revoljucii [Theory of nomadic revolution]. *Vlast'* [Power], 2012, no. 11 (965), pp. 34–36.
12. Mirzojan G. Sirija ne sdaetsja [Syria doesn't surrender]. *Jekspert* [Expert], 2012, no. 6 (789), pp. 19–20.
13. Putilov E. Na poroge haosa [On a chaos threshold]. *Jekspert* [Expert], 2012, no. 8 (791), p. 71.
14. *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper], 2012, no. 26 (5699), p. 8.
15. Sirija terjaet družej [Syria loses friends]. *Vlast'* [Power], 2011, no. 48 (952), p. 39.
16. Sirija [Syria]. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija* [Big Soviet encyclopedia]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1976, T. 23, p. 451.
17. Firtuni L. «Arabskaja vesna»: Transformacija političeskikh paradigim v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij [«The Arab spring»: Transformation of political paradigms in a context of the international relations]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World economy and international relations], 2012, no. 1, p. 3–14.
18. Chernenko E. Sirija obvinila v zagovore Izrail'. A Gosduma – Zapad i blizhnjevostochnye monarhii [Syria accused of plot Israel. And the State Duma – the West and Middle Eastern monarchy]. *Kommersant* [Businessman], 2012, no. 25 (4810), p. 3.

ЭТНОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сарматин Евгений Сергеевич, кандидат философских наук, доцент

Волгоградский филиал Российского государственного торгово-экономического университета
400131, Россия, г. Волгоград, ул. Волгодонская, 11
E-mail: rektor_volgograd@rsute.ru

В статье анализируются сущность этнократического режима, его основные черты, формы проявления. Рассматриваются разновидности этнократических режимов на пространстве СНГ. Раскрываются негативные последствия таких режимов для межнациональных отношений.

Ключевые слова: этнократия, политический режим, деформации, конфликты, межнациональные отношения.

ETHNOCRATIC REGIME: FORMATION AND FUNCTIONING IN THE FORMER SOVIET UNION

Sarmatin Evgeny S., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Volgograd branch of Russian State University of Trade and Economics
11 Volgodonskaya st., Volgograd, 400131, Russia
E-mail: rektor_volgograd@rsute.ru

The paper analyses the nature of ethnocratic regime, its main features, the forms of manifestation. We consider the varieties of ethnocratic regimes in the CIS. The negative consequences of such regimes for international relations are revealed.

Keywords: *Ethnocracy, Political regime, Deformations, Conflicts, International relations.*

На рубеже 1980–1990-х гг. во все еще едином союзном государстве явно обозначились дезинтеграционные тенденции. Это явление получило такое наименование, как «парад суверенитетов»: обделенные недостаточно высоким статусом национально-государственные образования стремились всячески его повысить. Более того, не только союзные, но и автономные республики объявили себя суверенными государствами, законодательство которых имеет приоритет над союзным законодательством. При этом они потребовали предоставить им соответствующие доли союзной и федеральной собственности, а также объявили о безусловном приоритете так называемой «коренной» нации над остальными. Тем более после распада СССР в ряде случаев у сформировавшихся этнических кланов возник соблазн создания этнически однородного государства, что следует рассматривать как фактическое признание их неспособности к сосуществованию с другими этносами в рамках многонационального государства.

В результате на постсоветском пространстве сформировались этнократические режимы, каждый из которых имеет свои специфические особенности. Вместе с тем они имеют и общие черты, на которых следует специально остановиться. Так, в некоторых постсоветских государствах сложились политические режимы авторитарного толка во главе с местным «вождем», который абсолютизировал свои властные полномочия. Иногда статус и реализуемые таким «вождем» функции принимали гротескный характер. Так случилось, например, с С. Ниязовым, объявившим себя вождем «всех туркмен». Обожествление «вождя» сочеталось с откровенно репрессивной политикой и крайне нерациональным использованием природных ресурсов, что отдалало перспективу создания современной высокотехнологичной экономики. Но такая цель Туркменбаши, судя по всему, и не ставилась. Провозглашался тезис об абсолютной уникальности туркменской государственности, и с этим должны были считаться лица других национальностей. Такой возврат в туркменское средневековье абсолютно не вписывался в ментальность русскоязычного населения, что обрекало их на положение изгоев. Вот и получилось, что к концу правления Туркменбаши численность русскоязычного населения республики сократилась на две трети. Положение оставшихся и сейчас не намного лучше, что делает современную ситуацию не менее тревожной.

В некоторых странах СНГ концентрация властных полномочий в руках первых лиц государства является также высокой (хотя и не столь абсолютной, как в описанном выше случае). В руках президентов этих стран (Белоруссия, Азербайджан, Узбекистан) находятся все без исключения важнейшие политические, экономические, социальные функции, которые ими лично контролируются. Для этих стран высок уровень огосударствления практически всех сторон общественной жизни, сохранения некоторых традиционных еще советских форм управления (Беларусь, Узбекистан). Названные лидеры (за исключением Лукашенко) после нескольких лет эйфории от независимости осознали всю опасность крайних форм национализма и фундаментализма и стремятся регулировать сложные процессы межнационального взаимодействия, вплоть до ограничения выезда русскоязычных специалистов (Узбекистан). Уязвимость этих режимов состоит в том, что они также во многом базируются на личностных ресурсах первых лиц государства.

Некоторые государства в странах СНГ все еще имеют достаточно зыбкий, неопределенный политический режим. Это касается таких государств, как Украина, Казахстан, Киргизия, Армения. Их двадцатилетняя история независимого существования воистину драматична. Киргизия пережила целых две «цветных» революции с их акциями грабежей и насилия, межклановыми столкновениями и обостренной конфронтацией между киргизами и узбекским меньшинством. Украина, пережившая свою «оранжевую» революцию, демонстрирует своеобразное «маятниковое» движе-

ние с перманентными разборками внутри политической элиты и постоянным перераспределением властных полномочий внутри ее фигурантов. Решение национального вопроса также продолжает находиться в подвешенном состоянии. Так, правящая «Партия регионов» и ее лидер президент страны В. Янукович до прохода к власти не один раз обещали придать русскому языку статус государственного наряду с украинским, но воз и ныне там. В русскоязычном Крыму продолжается тенденция к ограничению преподавания на русском языке, что наряду с продолжающимися самозахватами земельных участков крымскими татарами обостряет межэтническую ситуацию.

Традиционно «спокойной» республикой считается Казахстан, но и здесь имеются свои коллизии. Президент республики Н. Назарбаев возглавляет государство уже более двух десятилетий, и с его фигурой связаны весьма значительные успехи в социально-экономическом развитии и в утверждении авторитета страны в мировом сообществе. Но и здесь не обходится без осложнений. Степень концентрации власти в руках президента и его окружения очень велика, что позволяет говорить о своего рода «мягком авторитаризме». Явной аномалией следует считать ситуацию, когда в парламенте страны оказались члены только одной правящей партии. Конфузом обернулось предложение придать президентским полномочиям Н. Назарбаева пожизненный характер, объявив его «отцом нации». Впрочем, в отличие от туркменской, у политической элиты Казахстана хватило здравого смысла ввести ситуацию в надлежащее русло и сохранить политическое реноме.

В сфере межнациональных отношений в Казахстане, как и в других странах СНГ, проводилась политика «коренизации» управленческих кадров, при этом фактор клановой принадлежности опять-таки играл существенную роль. Однако и здесь данный процесс оборачивался некоторыми ограничениями. Так, в ряде областей все же отказались от предшествующей практики сосредоточения всех государственных постов в руках казахов. Например, в Кустанайской области глава администрации счит возможным приостановить «казахизацию» властных структур и взял курс на то, чтобы управление в области состояло из компетентных лиц, обладающих высокой профессиональной подготовкой, невзирая на их национальную принадлежность [2, с. 281].

Армения представляет собой типичное моноэтническое государство, где представительство других этнических групп очень незначительно. Связано же это в первую очередь с коллизиями вокруг нагорно-карабахского конфликта. Еще накануне распада Советского Союза между Арменией и Азербайджаном произошел своеобразный «обмен населением», причем зачастую в насильственной форме. О возврате беженцев в места прежнего проживания речи быть не может, но это, увы, не лучшее решение национального вопроса. Армения является членом ОДКБ, и на ее территории присутствуют российские военные базы, что, с одной стороны, увеличивает степень военной неуязвимости государства, но, с другой стороны, создаст для России новые проблемы. Политическую систему страны вряд ли можно считать устойчивой, учитывая сложность отношений между правительством и оппозицией.

Подводя итоги характеристики этой группы стран, отметим, что высокая степень неопределенности в отношениях внутри элит порождает и зигзаги в решении национального вопроса. Антироссийские настроения могут то усиливаться, то ослабевать в зависимости от складывающейся политической обстановки и от того, кто конкретно оказывается у руководства. Политическая нестабильность, в свою очередь, мешает России выстраивать долгосрочную политическую линию в отношении этих государств. Тем не менее остается надежда на стабилизацию обстановки в этой группе стран, на то, что осознание ими своих национальных интересов обусловит выстраивание ими отношений конструктивного сотрудничества с Россией, а во внутренней политике – адекватный учет интересов всех этнических групп.

Можно выделить и такую группу государств постсоветского пространства, для которых характерна популистская политика. В отличие от предыдущей группы государств, популизм характеризует не только позицию ряда представителей политической элиты, но и самых первых лиц. Это было заметно, в частности, в деятельности

В. Воронина (Молдова) и Э. Шеварднадзе (Грузия). Эти политики не смогли обеспечить рациональную организацию политической жизни в своих странах, были весьма противоречивы в своих намерениях и действиях, непоследовательны как во внутренней, так и во внешней политике. Так, В. Воронин упустил прекрасную возможность решить наконец проблему Приднестровья в соответствии с «планом Дм. Козака», поддавшись западному давлению. Э. Шеварднадзе так ничего и не сделал в решении проблем взаимоотношений с абхазами и осетинами. Политический крах обоих политиков был обусловлен в первую очередь их потаканием ксенофобским и этнофобским настроением, что привело к обострению как межэтнических, так и межгосударственных отношений. Современная политическая ситуация в этих странах лучше не стала. Откровенный поворот в сторону Запада нового руководства Молдовы только ухудшил перспективы разрешения приднестровского конфликта. Политику же последнего президента Грузии М. Саакашвили вообще можно считать провальной. Его вооруженная авантюра в августе 2008 г. привела к окончательной потере Абхазии и Южной Осетии, повторив прецедент Косово. М. Саакашвили пошел на разрыв дипломатических отношений с Россией и на выход Грузии из СНГ, но вот что интересно: все договоры, подписанные Грузией в составе СНГ, руководство страны объявило сохраняющими свою силу. Надо полагать, потому, что их соблюдение выгодно в первую очередь самой Грузии. Данное обстоятельство дает повод для осторожного оптимизма: жизненные интересы грузинского народа делают необходимым и целесообразным конструктивное сотрудничество с Россией и другими странами СНГ, а в условиях развивающейся демократии политическое руководство страны с такими настроениями не может не считаться.

Особо следует сказать об этнократических режимах, сложившихся в прибалтийских государствах. Особенно это касается Латвии и Эстонии (в Литве в силу малочисленности этнических меньшинств национальный вопрос стоит не столь остро). Ситуация в этих странах сложилась просто парадоксальная. Руководство этих государств, считающих себя странами европейской цивилизации и признанные таковыми Западом ввиду вступления их в Европейский Союз, всячески декларирует свою приверженность демократии, правам человека, ценностям либерализма, ссылаясь на документы ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, ПАСЕ и т.д. И в то же время принимает законы, подвергающие дискриминации русскоязычную часть населения. В этих странах сотни тысяч «русскоязычных» все еще остаются «негражданами» (апатридами), будучи пораженными во многих правах. Кошунственными выглядят попытки национально-государственной идентификации путем возвеличивания деяний «борцов за свободу», сотрудничавших с нацистским режимом. Запад предпочитает закрывать на это глаза, но проблемы такого рода остаются, отравляющие как межэтнические, так и межгосударственные отношения.

Следует заметить, что проблема формирования этнократических режимов возникла не только на пространстве СНГ и Балтии, но и в рамках самой многонациональной Российской Федерации. Национальные политические лидеры на первых этапах становления новой России по-разному реагировали на ельцинский призыв «брать столько суверенитета, сколько можно унести». Данная установка провоцировала процесс этнизации политических отношений и способствовала попыткам обоснования особой позиции России еще в рамках СССР. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, «в чисто идеологическом плане решающая роль принадлежала концепции суверенизации вообще и российского суверенитета в особенности. Она стала играть доминирующую роль в политике, проводившейся Верховным Советом России в борьбе против союзного центра» [1, с. 47]. В дальнейшем эта концепция была реализована в нескольких вариантах.

Во-первых, это вариант абсолютной суверенизации. Его пытались реализовать в Чечне в 1990-е гг. В 1991 г. в результате массовых выступлений титульного (т.е. чеченского) населения к власти пришла этнократическая группировка Д. Дудаева, объявившая о выходе ареала компактного проживания чеченского народа, конституировавшегося в Чеченскую Республику, из состава России. Это был вариант полного

разрыва с российской государственностью, не признанный, впрочем, ни одним из государств земного шара. Но русскоязычному населению провозглашенной независимой республики от этого было не легче. Дискриминация на этнической почве вкупе с разгулом криминала повлекла за собой самые пагубные последствия. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, «конфронтационная политика к всему русскому, российскому, политическая нестабильность привели к тому, что из полмиллионного населения русских в Чечне к 2001 г. осталось не более 20–25 тыс. (в основном в районах, бывших до 1957 г. в составе Ставропольского края). А в Грозном из 400 тыс. проживающих русскоязычных жителей осталось около 2 тыс. человек, и то в основном тех, кто не имеет никакой возможности изменить свое положение в чеченском обществе, хотя не одно поколение многих из них жило на этой территории» [2, с. 27]. События в Чечне некоторые авторы вполне правомерно охарактеризовали как «чеченскую этническую революцию» [3, с. 75]. Эксцессы этой революции пришлось пресекать при помощи вооруженной силы, причем политика федерального центра не всегда была адекватной сложившейся ситуации. Наметившийся компромисс с рационально мыслящей политической элитой Чечни, пришедшей на смену экстремистам националистического толка, позволяет надеяться на лучшее, хотя отголоски этого конфликта еще долго будут напоминать о развернувшейся трагедии.

В других случаях, так или иначе связанных с проявлениями сепаратизма, удалось избежать кровопролития, однако целостность Российской Федерации так или иначе ставилась под угрозу. Так, Республика Татарстан в 1992 г. отказалась подписать Федеративный договор на общих основаниях и выторговала себе право подписать договор с федеральным центром на особых условиях, знаменующих крен в сторону конфедерации. Так, в соответствии с этим договором Татарстан закреплял за собой право заключать отдельные международные соглашения и даже иметь свои представительства за рубежом.

В дальнейшем пошел процесс подписания отдельных договоров субъектов федерации с федеральным центром по примеру Татарстана, и Президенту РФ Б.Н. Ельцину пришлось на это пойти. Каждый субъект РФ пытался при этом выбить для себя особые преференции, что нарушало конституционный принцип равноправия всех субъектов. Заслуга В.В. Путина заключается в том, что в период его президентства эти особые договоры были аннулированы, равно как и всякие упоминания о региональном суверенитете, а единственным нормативно-правовым документом, регулирующим отношения федерального центра и субъектов РФ, осталась конституция страны. В настоящий момент очень важно, чтобы начинающаяся политическая реформа снова не привела бы к децентрализации, что, как показывает практика, имеет самые пагубные последствия.

Список литературы

1. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А. Г. Здравомыслов. – Москва, 1997.
2. Тощенко Ж. Т. Этнократия: История и современность: Социологические очерки / Ж. Т. Тощенко. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2003.
3. Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Концепция этнической субъективности / Л. Л. Хоперская. – Ростов на Дону, 1997.

References

1. Zdravomyslov A.G. *Mezhnacional'nye konflikty v postsovetском prostranstve* [The international conflicts in the former Soviet Union]. Moscow, 1997.
2. Towenko Zh.T. *Jetnokratija: Istorija i sovremennost': Sociologicheskie ocherki* [Ethnocracy: History and the present: Sociological sketches]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2003.
3. Hoperskaja L.L. *Sovremennye jetnopoliticheskie processy na Severnom Kavkaze. Konceptija jetnicheskoy subektivnosti* [Modern ethno-political processes in the North Caucasus. Concept of ethnic subjectivity]. Rostov-on-Don, 1997.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СФЕРЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Джанталеева Мадина Шанигуловна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: walkman.85@mail.ru

В статье рассматриваются перспективы развития дальнейшего приграничного сотрудничества Российской Федерации и Республике Казахстан. Приграничное сотрудничество стало важной особенностью современных международных связей регионов, поскольку именно на границе непосредственно пересекаются многие жизненно важные проблемы государств, включая внешнеполитические, экономические, гуманитарные контакты.

Ключевые слова: политические элиты, приграничное сотрудничество, государство, власть, внешнеполитические контакты.

DEVELOPMENT TRENDS IN THE SPHERE OF CROSS-BORDER COOPERATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Dzhantaleeva Madina Sh., post-graduate student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: walkman.85@mail.ru

The prospects of development of further cross-border cooperation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan are considered. Cross-border cooperation became an important feature of the present international relations of the regions since many essential state problems, including foreign policy, economic, humanitarian contacts, are directly crossed just at the border.

Keywords: Political elites, Cross-border cooperation, State, Authority, Foreign policy contacts.

С распадом СССР на постсоветском пространстве формируется новый геополитический порядок, одной из характерных черт которого стало трансграничное сотрудничество. Особую значимость и актуальность во взаимоотношениях России и Казахстана эта черта постсоветского миропорядка приобрела со второй половины 1990-х гг., что было обусловлено наличием объективной основы. В результате длительного совместного существования в условиях, определивших формирование черт хозяйственной, социальной и культурной однородности, нынешние приграничные территории, в наибольшей степени аккумулировавшие эту общность, приобрели относительно самостоятельную роль локомотивов восстановления и генерации территориального и межгосударственного разделения труда, культурного обмена, инициаторов углубления политического диалога и создания межгосударственного механизма решения проблем, порожденных современными вызовами человечеству.

Россия и Казахстан рассматривают друг друга в качестве приоритетных партнеров и декларируют приверженность курсу на интеграцию в экономической, политической, культурной и других сферах. Союз России и Казахстана – двух крупнейших государств на постсоветском пространстве – отвечает жизненно важным интересам обеих государств и их народов.

Развитие взаимовыгодного приграничного сотрудничества России и Казахстана напрямую зависит от дальнейших интеграционных процессов двух государств. Как показал опыт формирования Евросоюза, межгосударственная интеграция – процесс позитивный и не противоречащий политической самостоятельности каждого суверенного государства. Главное, чтобы всеми сторонами одинаково четко понималась конечная цель интеграции и основные вехи на этом пути. По мнению некоторых экспертов, для полноценной интеграции всем участникам надо последовательно пройти пять этапов [6, с. 10].

Первый – согласование тарифов и снятие таможенных барьеров. 2 июля 2010 г. был запущен Таможенный союз ЕврАзЭС в составе России, Беларуси и Казахстана.